

Впрочем, вопреки ожиданиям Фридриха, произошло то, чего он совершенно не ожидал в 1347 году – крупнейшее в истории Европы восстание, захлестнувшее всю Империю. Всё же, как бы ни был хорош Фридрих в управлении массами, вечно сдерживать всё нарастающее недовольство нищающих низов не было под силу никому. Даже более – именно потому, что массы так долго бродили, восстание получилось страшной силы.

Сотни тысяч крестьян, недовольных аграрной политикой Фридриха, направленной на удовлетворение крупной земельной аристократии за счёт угнетения простых фермеров, сотни тысяч рабочих, недовольных отсутствием государственного регулирования сферы трудовых отношений и социальных гарантий, священники, недовольных просто катастрофическим падением своего влияния в государстве, а также многие прочие классы, интересы которых пограл Фридрих. Заполыхала вся страна, а вместе с ней – и невероятные приобретения Империи. Десятки тысяч сепаратистов в Италии, Византии, Скандинавии, Литве и других захваченных территориях.

Ну и, разумеется, степень брожения масс и сила, с которой они были угнетены, определили не только фантастическую численность восставших и широчайший размах восстания, но и ту жестокость, с которой они творили своё классовое возмездие.

Жестокость классовых врагов, ожидаемая при борьбе с прямым классовым врагом, также наложила на средневековые традиции жестокости.

В городах рабочие хватали банкиров и заливали им в горло расплавленное золото или серебро, разбивали машины на фабриках, прессовали схваченных промышленников и совершали прочие зверства.

На деревне, Впрочем, накал жестокости был ещё пуще – восставшие крестьяне проводили насильный чёрный передел земли, прибывали к деревьям детей аристократов, а иногда и просто вешали на них. Разумеется, после этого они приступали к главному десерту – изнасилованию их сестёр, причём прямо на их глазах, после чего девок четвертовали барскими же лошадьми (своих-то у них уже давно отобрали кредиторы). Их родителей же они избивали камнями насмерть, после чего рубили на куски и скармливали свиньям.

В общем, в стране творилась полная жуть, но, к сожалению для восставших, Фридрих не зря был известен как кукловод масс – он тут же принялся раскалывать изначально единый лагерь восставших, и начал он со священников, главного и практически единственного инструмента отпущения грехов для большей части населения.

Конечно же, Фридрих прекрасно отдавал себе отчёт в том, что религия – идеология большинства в данный момент, и священники были потому особенно важны для него, что были её проводниками, и контроль над ними позволил бы ему лишить восстание идеологической поддержки.

К счастью, эта задача была не так уж и сложна – клир, поначалу относившийся с энтузиазмом к восстанию, видя в нём возможность вернуть утраченные ранее позиции (пускай они и были

потеряны уже навсегда, хотя бы в силу изменения экономического базиса, на котором они паразитировали), очень быстро выпал в осадок от его абсолютно кровавой и совершенно чудовищной жестокости, так что перетянуть их на свою сторону оказалась не такой уж и сложной задачей.

Немного обещаний смягчения государственного контроля над религией, немного крупных жертвований и усердного наведения связей... и вуаля, ты лишил восставших идеологической поддержки всего действия, и даже больше - вменил верующим, участвующим в восстании, вину за содеянные ими зверства и неповиновение власти.

Следующим же шагом молниеносного Фридриха стало раскручивание машины пропаганды - следующие месяцы она ни на секунду не умолкала, регулярно поливая грязью и помоями восставших, выставляя на показ и гиперболизируя их жестокие зверства.

Рупор государственной пропаганды, поддержанный рупором религиозной пропаганды, позволил власти не только оправдать свои не менее кровавые действия и дегуманизировать восставших, но и также моментально огордить всех остальных от вступления в их лагерь.

Впрочем, эффект от пропаганды всё же был ограничен и не мог подавить восстания, в связи с чем Фридрихом был предпринят следующий шаг - не долго думая, он решил продолжить раскалывание лагеря восставших.

И, как не трудно догадаться, в средствах себя Фридрих никоим образом не ограничивал - сначала он распустил в стане крестьян слухи о том, что городские рабочие собираются предать их общее дело за жалкие уступки со стороны власти.

Затем, выждав нужный момент, когда у сельских появятся страхи и опасения по поводу лояльности рабочих к их общему делу, он подтвердил их введением общих правил безопасности на предприятиях.

Одновременно, чтобы не терять времени, он выпустил (естественно, не от своего лица, а от лица завербованного властями рабочего) и широко растиражировал фальшивый манифест рабочих, в целом отвечающий их интересам, но дискредитирующий в глазах их собратьев крестьян.

Наконец, когда крестьяне практически утратили веру в своих «классовых братьев», он окончательно добил её тем, что бросил войска, находившиеся на территории Империи, не против рабочих, а против крестьян. Одновременно с этим, он ослабил давление обеих рупоров пропаганды на рабочих (и это было весьма заметно), а затем и вовсе пошёл на переговоры с ними.

Разумеется, это привело к полному разладу рабочих с крестьянами, вследствие которого последние стали враждебно относиться и к ним, так что рабочим, революционный запал которых быстро остыл уже после первых уступок, фактически пришлось объединиться с властью, в связи с чем раскол произошёл уже в среде восставших рабочих, на радикальное

меньшинство и умеренное большинство.

Последние, естественно, быстро остыли, получив то, ради чего весь этот балаган и устраивался, так что они очень скоро вернулись в лоно сторонников власти, служащей гарантом их приобретений. Радикалов же, разумеется, быстро приструнила полиция, которая теперь, уже после получения поддержки умеренной части рабочих, не заинтересованных в дальнейшей эскалации, была в численном превосходстве над ними, а благодаря податливости рабочих по вопросам возможного сотрудничества – ещё и на шаг впереди.

Полицейские заранее знали места терактов, их дату и время, численность и состав радикальных группировок, так что им не составило особого труда свести на нет любые их попытки, пускай им всё же и удалось устроить покушение на Фридриха, впрочем, совершенно неудачное (Фридрих получил лишь лёгкий ушиб с испугом по результатам взрыва).

Разумеется, в отношении радикалов Фридрих был жесток как никогда – большинство из них либо расстреляли, либо повесили, а их семьи были жестоко наказаны. Вероятно, причиной подобного отношения всё же было не неудачное покушение, а необходимость найти кого-то, на кого можно будет спихнуть всю вину, кого-то, кого можно будет без особого вреда казнить на потеху капиталистам, чтобы им спалось спокойнее.

Жестоко? Да, безусловно, но это было ожидаемо, да и у рабочих был не только шанс, но и время для того, чтобы сделать необходимые выводы и на время прекратить свою борьбу, ради своего же блага. Большинство им воспользовалось, и не вина Фридриха, что радикалы предпочли плюнуть на его милосердие и благожелательность по отношению к рабочему движению.

Таким вот образом, всего за пару недель Фридрих сначала рассорил крестьян с рабочими (впоследствии все усилия власти были направлены на дальнейшее расширение пропасти между ними), затем рассорил уже умеренных рабочих с радикалами, после чего вернул в лоно своих сторонников первых и безжалостно прикончил вторых – перфекто.

Но, разумеется, несмотря на значительное ослабление рядов восставших, а также возвращение контроля над промышленной базой Империи, а также возобновление её работы, всё ещё предстояло побороть сепаратистов и крестьян.

Впрочем, с этим тут же возникли трудности – обеим этим социальным группам, причина восстания которых, по большей части, лежала в экономической плоскости, ему было нечего предложить. Если на уступки рабочим он ещё мог пойти, то наступать на пятки земельной аристократии ему было совсем не с руки, а уж вести дела с сепаратистами – и подавно, но с ними хотя бы всё было понятно – вздёрнуть на виселице и с концами.

Собственно, именно с этой целью войска, находившиеся на Востоке (остальные были заняты подавлением крестьянских бунтов), сначала огнём и мечом выкорчевали сепаратизм из литовских и татарских земель (в случае последних даже пришлось разрушить клановую систему и заложить целую гряду городов для пушного контроля степи).

Закончив с оными, Фридрих оставил лишь небольшой и мобильный элитный отряд (небольшой по меркам тех территорий, которые были под их ответственностью), специально натренированный на борьбу с сепаратизмом, а также сформировал вспомогательную конную милицию из добровольцев среди населения оккупированных территорий, то есть, по сути, он организовал полицаев.

Полицаев за лояльность и службу Империи награждали собственным земельным наделом, хорошей зарплатой, имперским гражданством (население покорённых территорий не получало гражданство автоматически, а должно было его заслужить), оружием в лице винтовки и транспортом в лице коня.

За хорошую службу полицаю также могли перепасть государственные облигации Империи, неплохая премия, финансовая помощь в организации хозяйства, а при взятии в жёны немки – крупная одноразовая выплата для налаживания семейного быта, а при рождении ребёнка семье и вовсе предоставлялись различные льготы при поступлении ребёнка в учебные заведения (в которых, правда, обучение должно быть исключительно на немецком) и так далее.

В общем-то, быть полицаем, конечно, немного опасно в том плане, что в глазах окружающих полицаи были даже хуже говна, ибо полицаи – пособник оккупантов и предатель, да и они бы стали первой целью для покушения в глазах членов сопротивления, но и чрезвычайно выгодно при этом.

Другое дело, конечно, что полицаем стать не то чтобы просто – к ним предъявлялись высокие требования, их лояльность постоянно проверялась, а количество мест было не столь уж и большим.

Впрочем, их небольшая численность компенсировалась довольно высокой эффективностью – большинство полицаев усердно работали, прекрасно осознавая тот факт, что их рабочее место в любой момент может уйти другому (а этих других было много, к сожалению для патриотов оккупированных территорий).

Кроме того, полицаи были беспримерно лояльны Империи – пожалуй, даже сам Фридрих не был ей верен настолько, насколько ей были верны полицаи (которых активно накачивали пропагандой) и они остро реагировали на абсолютно любые признаки нелояльности среди тех, кто был в их власти.

Так что получилась весьма красивая картина – полицаи рьяно выявляли ячейки сопротивления, после чего подразделения имперской армии и военной милиции их безжалостно уничтожали, не щадя даже малых детей и беременных женщин (потому что они, таким образом, стали бы прекрасным примером для остальных и отличным предупреждением, что с Империей шуточки не шутят).

Таким образом, всего спустя пару недель после окончания эпопеи с рабочими окончилась и эпопея с сопротивлением на оккупированных территориях – практически все силы Империи были брошены против них и, очевидно, у них не было и шанса выстоять в этом

противостоянии.

Собственно, они и не выстояли – сепаратизм выкорчевали с такой силой, что телодвижения различных движений сопротивления на оккупированных территориях ещё несколько лет были на уровне «скорее мертво, чем живо».

Так что, наконец-то, у Фридриха, руки которого теперь были полностью развязаны, мог заняться своей главной занозой в заднице...

<http://tl.rulate.ru/book/66483/1843228>